

287103

Газета - 2003-28 ноябрь - с. 36-38

предисловие переводчика

Вспоминая шестидесятые, можно утверждать, что вся мировая культура тогда как-то естественно сводилась к музыке, а музыка — к рок-н-роллу (от «Roll Over Beethoven» до «Concerto for Group and Orchestra»). Поэтому нет необходимости представлять Джона Леннона (1940–1980) — это один из самых ярких героев-символов ушедшего века, вместившего и пролетарскую, и психоделическую революции. То, что осталось от Леннона, теперь необратимо передано текстуальной работе: фигура его реставрируется в архиве, в бесчисленных репортажах, интервью, фотографиях, кино- и видеофильмах (не говоря уже о звукозаписях), в воспоминаниях и измышлениях знакомых — близких, далеких или случайных. Особое место среди всего необъятного корпуса занимают тексты, вышедшие из-под его собственного пера.

Знаменитый битл сочинял не только музыку и записывал не только пластинки. Еще учась в ливерпульской мужской школе Куорри-Бэнк, Джон строчил каламбуры и анекдоты в духе черного юмора, снабжая их легкими, в одно касание, рисунками; они составляли его персональный рукописный журнал Daily Howl («Ежедневный Вой»), имевший хождение среди одноклассников.

Этакие пубертатные подростковые фантазии — детская беспощадность, махо-фетишизм и наивное богохульство. Впрочем, тяга к словесным упражнениям не оставляла Джона и позднее, даже когда он стал музыкантом: за кулисами перед выступлением, в случайных гостиничных номерах на концертных турне он снова и снова возвращался к подобному озорству и балагурству. Издание всех этих сугубо интимных излияний и шуточек многое говорит о характере Леннона, немедленно «овнешнявшего» любое внутреннее движение, и о той атмосфере публичности, которая назойливо окружает всякую поп-знаменитость.

Итак, 23 марта 1964 года лондонское издательство «Джонатан Кэйп» выпустило в свет изящный маленький томик под названием «John Lennon In His Own Write», что можно перевести как «Джон Леннон пишет по-своему, как хочет» (write как «манера письма»; здесь есть намек на популярные сборники интервью звезд «In Their Own Words»); но одновременно при чтении это звучит как «in his own right», то есть «в своем праве», «ни на кого не похожий».

Алексей Курбановский

Легенды мировой рок-музыки, случается, балуются литературными опытами. **Джон Леннон** стал заниматься этим еще в школе. Сегодня **gzt** предлагает читателям его творчество, весьма близкое традиции Хармса и Кэрролла. Книга «Испалец в колесе» — первый том опусов Джона Леннона, отрывки из которого мы публикуем, на этой неделе выходит в издательстве «Эксмо».

ИСПАЛЕЦ В КОЛЕСЕ

пишу как пишется

Впервые я встретил его на сельской ярмарке в Вултоне. Я был пайнкой-школьником, и когда он забросил руку мне на плечо, я с ужасом понял, что он пьян. Было нам тогда лет по двенадцать; несмотря на все его заморочки, мы постепенно стали приятелями. Тетушка Мими (она приглядывала, чтобы его не слишком заносило) внушала мне, бывало, что на самом деле он умнее, чем хочет казаться, и всякое такое. Он сочинил стихотворение для школьного журнала про отшельника, который говорил: «Дыханием живу и замереть не смею». Тут я стал смекать: больно мудрен! Одни очки вон чего стоят, да и без оных на него удержу нет. «То ли еще будет!» — отвечал он обычно на взрывы одобрительного смеха.

Кончив Куорри-Бэнкскую школу для мальчиков, он поступил в ливерпульский художественный колледж. Потом бросил учебу и стал играть в группе под названием «Битлз», а теперь вот написал книгу. И вновь я смекаю: мудрен! Что это в нем — выпендрей, заумь или что-то еще?

Непременно найдутся тугодумы, которые многое в этой книге сочтут нелепицей, отыщутся и такие, кто начнет докапываться до какого-то скрытого смысла.

«Кто такой Тарабанщик?»

«Глухая старая калоша? Это неспроста!»

Вовсе не обязательно, чтобы повсюду был смысл: смешно — ну и ладно.

P.S. Рисунки мне тоже нравятся.

честливый Дэйв

Как-то раз, в незапамятные времена, жил да был на свете честливый Дэйв — у него была в жизни цель. «Я честливый Дэйв», — твердил он каждое утро, и то была уже половина дела. За завтраком он, бывало, опять говорил: «Я честливый Дэйв», — что всегда раздражало Бэтти. «Ты по уши в дерьме, Дэйв», — талдычил какой-то голос, когда он ехал на работу, — как оказалось, то был негр-кондуктор! «Тебе-то хорошо», — думал обычно Дэйв, не вполне осознавая расовую проблему.

Честливый Дэйв был совершенно сногшибательный коммивояжер, с хорошо подбешенным языком, что всегда раздражало Мэри. «Кажется, я позабыл купить автобусный билет, конструктор», — сказал Дэйв, сам не понимая, что с ним. «Вытряхивай тогда из автобуса», — сказал Баджуубу голосом, не предвещавшим ничего хорошего, — он и сам-то расовую проблему до конца не осознал. «Хорошо», — покорно ответил Дэйв, не желая вступать в пререкания. И когда он поспешно, как припадочный, соскочил с автобуса, внутренний голос возьми и рявкни ему в самое ухо: «А понравилось бы тебе, если б твоя дочь вышла замуж за такого?»

Франк не промух

Франк был малый не промух, а в то утро мух на нем и вовсе не было — что ж в этом удивительного? Он был законопослушный гражданин с женой и дитем, не так ли? Обыкновенным франним утром он с неописуемым проворством вскопал на половые весы в водной. К своему величайшему лужасу, обнаружил он, что прибавил себя на целых двенадцать дюймов! Франк не мог этому поверить, и кровь бросилась ему в голову, причинив довольно сильный покрас.

«Не могу осмыслить сей невероятный подлинный факт о своем собственном теле, которое не обрело ни капли жира с тех самых пор, как мать произвела меня на свет посредством детоброжения. Ах, и на своем пути в сем бредном подлунном мире разве я питался норманно? Что за немилосердная сила повергла меня в это жирное несчастье?»

И снова Франк взглянул вниз, на жуткую картину, помутившую его взор чудовищным весом. «Прибавление на целых двенадцать дюймов, Боже! Но ведь я не жирнее своего брата Джоффри, чей отец Алек произошел от Кеннета через Лесли, который породил Артура, сына Эрика из дома Рональда и Апрелья, хранителей Джеймса из Ньюкасла, кто выиграл «Мэйдлайн» при ставках 2 к 1 на Серебряном Цветке, обойдя 10:2 Турнеппа по 4/3 пенса за фунт?»

Фото: AP

Он спустился вниз, раздавленный и оближенный, ощущая непомерный гнус, который лег на его клячи, — даже женино потропанное лицо не засветило обычную улыбку в голове Франка, который, как помните, был малый не промух. Жена его, бывшая королева красоты, созеркала его со странным, но самодовольным видом. «Что это бложет тебя, Франк? — спросила она, растягивая свое морщинистое, как червослив, лицо. — Ты выглядишь презренно, даже, пожалуй, неприлично», — добавила она.

«Это — то ничего, но вот я прибавил на целых двенадцать дюймов больше, чем в это же самое время вчера, по этим вот самым часам — разве я не несчастнейший из людей. Не дерзай говорить со мной, ибо я могу поразить тебя смертельным ударом, — это испытание я должен скосить один».

«Боже мой! Франк, ты жутко поразил меня столь мрачными словесами — разве я виновата в твоём страшном состоянии?»

Франк грустно посмотрел на жену, забыв на минуту причину своего горя. Медленно, но тихо подойдя к ней, он взялся за голову как следует и, без промеха нанеся несколько быстрых ударов, безжалостно сразил ее наповал. «Не подобало ей видеть меня таким жирным, — пробормотал он, — к тому же в ее тридцать второй день рождения».

В это утро Франку пришлось самому готовить себе завтрак — впрочем, как и в следующие утра.

Две (а может, три) недели спустя Франк вновь, проснувшись, обнаружил, что на нем нет мух.

«Этот Франк — малый не промух», — подумал он; но, к его величайшему удивлению, очень много мух бы-

Мадам: Ах, сэр, мне так хотелось сохранить этот зуб (я желала сохранить этот зуб).

Сэр: Он весь черный, глиной — да и остальные тоже.

Мадам: Пощадите! Чем я тогда буду есть?

Сэр: Министерство здравоохранения предоставляет вам возможность получить бесплатный набор зубных протезов, в них будет похуже, что вы на тридцать лет моложе. Мадам (в сторону): Тридцать лет дороже! (Громко.) Хорошо, сэр, я без предрассудков, вырывайте все мои погнилушки.

Сэр: О'кей, чичас.

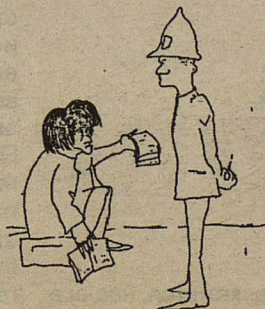
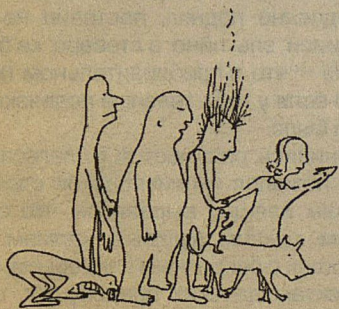
Эрик Хирбл и его жирный струп

Как-то ранним сальным утром Эрик Хирбл проснулся и обнаружил у себя на голове огромный жирный нарост. «О, Рожа!» — воскликнул Эрик Хирбл, весьма удивленный. Впрочем, дальше он занялся своими гробычными усердными делами, ибо чего тут особенно беспокоиться, из-за какой-то шишки? Но вдруп он услышал тоненький голосок, который звал его: «Эрик... Эрик Хирбл», — вроде бы так, правда, сам я, честно говоря, не слышал. Следующим вечером тот же голосок сказал: «Эрик, это я, жирный нарост на твоей собственной голове, Эрик, помоги мне!»

Вскоре Эрик привык и даже очень привязался к своему жирному дружку.

«Зови меня Струп», — сказал голос. Так оно и было.

«Зови меня Эрик», — сказал Эрик как ни в чем не бывало. С тех пор Эрика всюду видели с большим жирным струпом на голове. Из-за этого Эрик лишился работы в школе, где он учил танцам спазматиков.

ло на жене, которая все еще лежала на полу в кухне. «Не могу вкушать хлеб, пока она лежит здесь, — подумал он вглубь, записывая каждое слово. — Я должен доставить ее в родимый дом, где ее примут с радостью». Он запихал ее в небольшой мешок (в ней всего-то был метр двадцать) и направился к тому законному дому. Вот Франк постучался в дверь, и теща открыла.

«Я принес Мэриан домой, миссис Сатерскилл». (Так и не привик он называть тещу мамой.) Он развязал мешок и вывалил Мэриан на порог.

«В моем доме я не потерплю всех этих мух», — вскричала миссис Матерскилл, ибо она очень гордилась своим домом, и захлопнула дверь. «Уж могла бы, по крайней мере, предложить мне чашечку чая», — мрачно подумал Франк, вновь взваливая проблему на свои клячи.

славный пес Найджел

Гав-гав, глядите, вот бежит

Косматый наш дружок.

Фонарный столб он оросит

И — дальше со всех ног.

Славный песик! Хвост вразлет —

Служи, милоч, служи!

Тебя, мой умник, радость ждет —

ЗАВТРА В ТРИ ЧАСА ПОПОЛУДНИ

МЫ УСЫПИМ ТЕБЯ, НАЙДЖЕЛ.

у зудного

Мадам: Мой дуплистый зуб сильно меня крутит.

Сэр: Солитесь же в это грустло, Мадам, и откройте пошире вашу класть... О, ваш крот совсем обеззубел.

Мадам: Увыах! У меня осталось всего восемь зубов (сохранилось всего восемь зубов).

Сэр: Значит, Вы потеряли восемьдесят три.

Мадам: Немероятно!

Сэр: Всем известно, что во рту имеются четыре кривца, два глупца и десять пристяжных, что вместе составляет штрипцать два.

Мадам: Ведь я все делала, чтоб сохранить свои зубы.

Сэр: Можете выть! Но не вышло.

Мадам: Ах! Почему я не грешилась прийти к вам раньше?

Сэр: Рушайтесь, сейчас или негода.

Мадам: Так вы будете его вырывать?

Сэр: Нет, Мадман, я его элиминирую.

Мадам: Но ведь это очень больно.

Сэр: Дайте-ка на него взглянуть — крак! — Вот он, пожалуйста, Маданц.

«Мы не допустим, чтоб нашим ребятам преподавал калека», — заявил Директор школы.

Как-то раз, в незапамятные бремена, далеко-далеко, на краю земли, за холмами да за морями, куда и вороне не залететь, жили-были 39 человек на маленьком островке в далеком и чужом краю. Когда наступало у них время заражайное, тут уж все веселились как могли: пировали, плясывали и все остальноепрочее. А Перри (который был у них Лорд-Мурлом) должен был к празднику отрыть (тут-то он и показывал свою прыть) какую-нибудь новую забаву (вот смеху-то бывало!), аттракцион или артиста (как-то раз он пригласил гнома). Но уж в этот год Перри превзошел самого себя — раздобыл натурального Пса-Борца!

Но только кто же рискнет сразиться с этим чудо-юдом? Да ну его на фиг!

вечеринка у Рэндольфа

Наступил рождественский вечер, но Рэндольф хирел один. Где же все его добрые приятели — Берни, Дэйв, Никки, Алиса, Бедди, Фриба, Вигги, Найджел, Альфред, Клайв, Стэн, Франк, Том, Гарри, Джордж, Гарольд?

Куда все они подевались в такой день? Рэндольф мрустно поглазлел на единственную проздравительную открыжку, которую ему прислал отец, жуящий отдельно. «В толк не возьму, как же это я такой одиночный, да в тот самый вечер, когда вроде бы положено встречаться с дружками», — размышлял Рэндольф. Тем временем он подлежал развешивать всюду разукрашения и всяческую чешуру.

Вдруг как грум среди частного неба раздается превеселый стук в дверь. Ну кто, да кто бы это мог стучаться в дверь ко мне, страшивает он и отворяет. Глядь, а на пороге-то все его шнурки-приятели, как один: Берни, Дэйв, Никки, Алиса, Бедди, Фриба, Вигги, Найджел, Альфред, Клайв, Стэн, Франк, Том, Гарри, Джордж, Гарольд, ну дела!

«Заходите, старики, кореша и чуваки», — приветствовал их Рэндольф, ухвываясь от уха до рыла. Ну, они и ввалились, хохмоча и голоса: «Веселого Рождества, Рэндольб», — громко и сердечно, а потом накинлись на него и ну тузить, лупить по кумполу, приговаривая: «Никогда-то мы не любили тебя, дурья твоя башка, и чего ты только к нам примазывался, олух...»

Словом, они убили его, видите ли, но, по крайней мере, нельзя ведь сказать, что он помер одиноко, верно? Счастливого Рождества тебе, Рэндольф, друган ты наш!

Великолепная Пятерка в Горемычном Аббатстве

Настало время для приключений Великолепной Пятерки, описанной Энигом Блайтером. Ведь их было пятеро, не правда ли — Том, Стэн, Дэйв, Найджел, Бернис, Артур, Гарри, Уи Джоки, Матумбо и Крейг(?). Последние 17 лет великолепная пятюка храбро пускалась во всевозможные авантюры на необучаемых островах и в таинственных данилах. При этом их всегда сопровождал серный пес по кличке Крэгсмор. Был у них и знаменитый Дядюшка Филпол со своими знаменитыми седыми кудряшками, обветренным краснощипиным лицом, в знаменитых рыбацких сапогах и потропанном свитере, живший в своем маленьком домике-гомике.

Колеса поезда стучали «градди-под, градди-под, мы отправились в поход», потому что так оно и было. Прибыв куда следует, наши герои тотчас же заметили таинственного незнакомца, чей вид не предвизжал ничего хорошего!

«Ой, что это?» — неожиданно взвизгнул он у них за спиной.

«Мы — Великолепная Пятерка Эврика Блантера», — отвечают Том, Стэн, Дэйв, Найджел, Бернис, Артур, Гарри, Уи Джоки, Матумбо и Крейг(?), потому что так оно и было. «Не дерзайте ходить в Горемычное Аббатство, что на Таинственном Холме».

Этой же ночью, при свете верного пса Крэгсмора, Крейга(?) и Мутумбу уговорили взять на себя дрягную ражоту. Вскоре они добрались до Горемычного Авватства и нос к носу столкнулись со старым калекою, который оказался давешним незнакомцем.

«По газонам ходить воспрещается», — грозно объявил он с высоты своей шляпы. Матумбо наскочил и, используя свой коронный приемник, одолел старого хрена. Крейг(?) быстро связал калеку по ножкам и ложкам. «Скажи нам, в чем тайна Горемучного Обсратства?» — спросил Крейг(?).

«Можете бить меня, но вы никогда не узнаете этой тайны», — ответил тот сквозь свою зеленую шляпу.

«Все, что ты говоришь, может быть использовано в суде против тебя», — сказал Гарри. Так оно и вышло.

грустный Майкл

Не было никаких причин грустить этим утром у Майкла, нахала такого, все ведь любили его, придурка. У него случилась ночь после трудного дня, потому что Майкл был тот еще петушок-крепышок. Жена его Берни, всегда превосходно выдержанная, наскребла вполне кармальный завтрак, но опять же он был грустен. Странно видеть такое в человеке, у которого есть вроде все, да и жена в придачу. Около четырех, когда огонь в камине похлал с веселым хряском, заглянул полюсмен, которому было офигенно нечего делать.

«Добрыденьги, Майкл», — заказал полюсмен, но Майкл не ответил, потому что он был и глух, и нем, и не умел гомерить.

«Как жена, Майкл?» — пролежал полюсмен.

«Заткни-ка свое харло!»

«А я думал, что ты и глух, и нем, и не умеешь гомерить», — сказал полюсмен.

«Что же мне теперича делать со всеми моими глухими-немными книжками?!» — воскликнул Майкл, тут же поняв, что с этой проблемой придется повозиться.

В тропических морях по мрачным шхунам Путем дерзаяющих, что разрушает сплин, Одетый в скорлупу угольного сарая,

Я отправляюсь, как еврей счастливый,

На встречу с доброй Дорис Кинг.

Мимо зловещих древ и неуклюжих зданий,

Мимо крысаячих псов, овцы больной,

Ссутулившись, подобно обезьяне-резусу,

Я отправляюсь, как щенок лохматый,

Чтоб сладко выспаться, домой.

Вниз по тропам и ложбинам из камня,

Вниз, где поток журчит, точно миф,

В роскошном одеянии иудейском

Я отправляюсь, как носок измятый,

Туда, где ждет меня злой Берни Смит.

Осип Сокрович

В маленькой портвейной пивнушке в Бристоу оборванная шайка оборванцев выпивает и развеселяется (перед отплытием в дальние моря на поиски огромного Сокровича на неизвестном острове далеко в океане). «Оставить треп, оболтусы солёные», — произнес входя Большой Джон Слюнвер. Костыляя, он направился к компании старых мыляков, которые измылили много людей.

«Скажи, Большой Джон, а где же напугай, который обычно сидел на твоём плече?» — спросил, приглядевшись, Слепой Жид.

«Не твоего ума дело, — пробурчал Большой Джон. — Кстати, а где твоя белая трость?»

«Лопни мои глаза, если я знаю, Большой Джон! Да и откуда мне знать, ведь я ни фи́га не вижу».

Тут вдруг появился малютка Джек Хоукис, который подкрался незаметно, прикрываясь сумкой на голове.

«Ха-ха-аа-аар, Джек, парнишка», — сказал Большой Джон, как и подобало старому морскому маринаду.

Вскоре все они выкатились из пивнухи и отправились в гавань вместе с капитаном Эполлетом и сквайром Трезвони. На следующее утро они отплывали припутном ветре им в зад.

Большой Джон привязался к Джеку и держал его за сына, что ли, — потому что он часто накладывал на него руку, приговаривая: «Ха-хааааар», особенно если напугай сидел у него на кляче. Однажды, впрочем, малютка Джек Хоукис случайно оказался за бочей кучек и подслушал, как шептались Большой Джон и несколько матрасов, которые сговаривались устроить на корабле шумунт против Капитана.

«Земля! — раздался тут голос из голубятни на верхушке мачты. — Земля, все в порядке!» Подумать только, и вправду — глянь, вон маленький такой Осипок, зелёное пятнышко на горизонте, с пальмистыми деревьями, кококакасами и всем, что положено.

«Я б не удивился, если б там оказался вдруг бородастый старик, скачущий с камня на камень», — подумал Диз-разли Рукс, который видел это кино; так оно вскоре и оказалось.

В первую же шлюпку, что отправилась на берег, погрузились Большой Джон Слюнвер, малютка Джек и многие другие, на вид здоровые потные верзилы. И так, они подплыли к Осипу, а вот и рехнувшийся старикашка, который назвался Стен Гунн и сообщил, что сидит прямо на самом Сокровиче долгие годы, потому что злой и жестокий Капитан Флинт наложил на него Чумную Метку, — а сами знаете, что бывает с помеченными чумой.

Значит, постояв немного на якоре и все такое, они поплыли обратно, домой в Бристоу, где всех их сразу же арестовали за незаконные земельные махинации; а малютка Джек Хоукис оказался тридцатидвухлетним карликом; а Большому Джону Слюнверу пришлось покупать себе новую деревянную костылю, потому что старую Осип спалил в костре.

Стен Гунн оказался юношей в расцвете сил и здаранья, ну а верный кот Том вернулся в свой Ньюкасл.

о спичевании речей

1. Говорите Ясно и Носно на большие настояния.

Нахренер: «*Рон страстно умоляет сообщить маме, что все прощено и забыто*».

Многие вкладывают большие чувства в слово «мама».

2. Пойте же голосом долгим.

Нахренер: Глубокое дыхание неприходимо для гласа темного и неизменного, глубокое продувание и распухание весьма свещественно для радиотрансляций в отдаленные регистаны...

что? что? нам сообщают, что в Рокалле и Фредэстере видимость нулевая, как поняли? Упражняйтесь ежедневно, конечно, если Вы не глум и нем.

3. Имейте в виду, что слово, написанное фонетически, должно претерпеть все грамматические видоприменения, при этом звуки классные старайтесь произносить особенно странно.

Напр.: *Пока я с вами тут болтаю, мои устрицы тухнут, а ведь всем известно, что устриц надобно подавать, пока они светлы*.

Заметьте, что в Охсверде произносят «ойстрицы», в то время как в Кэмблиндже принято говорить «уйстрицы», причем первая гласная тяааанется, как ре-зеииина.

Упражняйтесь ежелечебно, конечно, если Вы не глум и неп.

одно из хмурых утр

В одно из самых хмурых утр

Ползу я, как собак,

Забытый всеми бедокур

Пакуюсь в свой пиджак.
Блеснет ли мне улыбка дня?
Девчачий звонкий смех
Порадует ли вновь меня
В декабрьской стужине?
Для них быть клевым тоже
С ухмылкой я спешу,
Сведу прыщи на роже
И горб свой почешу.
Оставьте фокус-покус,
Меня не проведешь,
Как ни крутите попой-с,
Я рассеку всю ложь.
Буль я что твой голландец,
Чванливый пустобрех,
Такой навел бы глянец,
Чтоб быть не хуже всех.
Иной в толпе толчется
До полночи глухой,
Кто Дорис пригланется,
Найдет у нее покой.
Подъедь к ней, смел и грязен,
Большой крутой мужик,
Она не терпит мрази,
Жиреющей в глуши.
Сосет свой «цайтунг» немец,
Как яблоко шалун
Он, как большой младенец,
Знай лишь твердит «Варум?»
Бутылкой джина мерит
Невзгод и грусти слой
Малютка длинный Эрик,
Дружок беспечный мой.
Плодись на всю катушку,
Ты плоть земли большой,
Гляди-ка, вон в кадучке
Сидит ягнец святой.

Спаси Бог

кое-что о халяваторе

Я родился 9 октября 1940-го, когда, кажется, нас все еще бомбивали нацисты под водительством Кондольфа Идитлера (он и смог-то всего однажды). В общем, до меня они не добрались. Я учился в разногородных школах в Лиддиполе, но, к удивлению моей тетушки, так и не получил диплома. Поскольку я являюсь участником широкопубличного ансамбля «Битлз», наши (мои, П., Дж. и Р.) пластинки могут показаться более забавными, чем эта книжка. Но что до меня, то сия коррекция коротких смешнулек — самое умордительно обхохотило, какое я когда-либо чихал.

Бог да помахает и покормит нас всех.

Иезус Эль Пифко был иностранцем и знал об этом. Он эмигрировал из своей маленькой беленькой халупы в Барселогове уж тризю лет тому взад, заручившись сперва тепленьким колесным местечком колесничего в Шотландии. Работать он усвоился у Морда Мак-Ануса, хитрого старого хрена, имевшего замок в горах.

Первое, что заметил Иезус Эль Пифко по прибытии, — это что Морд не имел отнюдь никаких ни лесов, ни колесниц, ни даже завалящего каретного сарая, вилите ли, это к величайшему разочарованию нашего героя. Но — это словцо я использую легко — у Морда, кажись, были какие-то лошади, каждая из коих щеголяла с парю великолепных ног. Иезус влюбился в них с первого упада и пользовался взаимностью, что было очень удачно, ведь жить-то ему приходилось непосредственно на конюшне, вместе со своими благородными подружками.

Вскорысти каждый день можно было видеть, как Иезус крутится, как испалец в колесе: чистит хозяйских лошадок, расчесывает им долги́вы и заболтится о зубах.

При этом он завсегда насвистывал веселую испанскую песенку, вспоминая о своих любимых выро́дичах, оставшихся дома, в ихних маленьких беленьких гаденьких фашистских хатах.

«Вот пара отлично ухоженных лошадок, извольте убедиться», — говаривал он обычно, а внимала ему Артритик Кошелка, смазливая служаночка, на которую Иезус положил глазок еще с самого Заговенья.

«Ничаво, — отвечала она с легким абердиномартинским акцентом. — Но ты больше еврея колупаиси с теми кабылами, чем же со мною!» И с этими словами она опрометью бросилась за исполнение своих обязанностей, не забыв тщательно подвязать закров целомудрия, плотно приливавший к телу.

Будучи добрым католиком, Иезус вытер плевков с физиономии и подставил другую щетку — но подружка уже удра-ла, оставив его размышлять: ох-те, ага-те, кристи-боже.

«В один прелестный день она забьет слишком дырокол

и я обрушу ее», — сказал он своей самой убивой кобылке. Конечно, кобыла не ответила, ведь, как вы знаете, говорить они не умеют, в особенности с воняющими честняком мелкими желтыми жирненькими фашистенькими католиками-испашками. Однако вскоре Иезус и Артритик помирились и слились в любовном беспределе не залающих границ. Единственное, что постоянно удивляло Иезуса, это что его милашка всегда сердилась, когда он ее принародно звал Артритиком. Ничего удивительного, впрочем, ведь ее настоящее имя-то было Патрик, смекаете?

«Не смей меня называть Артритиком при всех моих друзьях, слышь, мой милый клопик Иезус», — сказала она разрезанно.

«Но я не могу выговорить «Патрик», о моя маленькая диванная подушечка», — отвечал тот, весь снутри р-киснув и оторопев. Она поглядела на него сквозь не-ральную занавеску из кучерявых своих лохвостов.

«Но по-англицки Артрит значит какую-то хворь, мой миленок Иезус, а я обратно не хвораю совсем, как ты и сам замечательно видишь!»

«Согласен, — отозвался он, — но я не могу не знать всех там ваших тонкостей, поскаку я иносранец и все такое, не разбираюсь в разной там вашенской кульдуре и обы-чаях, и так талия. Ну а уж хворобу-то я вмиг распознаю».

Тут он весь офигел, потому что Патрик, со слезами на глазах, опустила на коленки и медленно откусила кусок его задницы. Затем, подняв голову, она произ-несла голосом, преисполненным чуйства: «Ты сможешь простить меня, Иезус, сможешь?» — и всхлинула.

Тот странно поглазлел на нее, будто она тож была странной, потом медленно поднял, поставил на ноги и воскликнул: «Паррииси эль пино а стеваро ки бузно эль франко сенатро!» — что в приблизительном пере-воде значит: «Только если у тебя зеленые подвязки!» — на счастье, так оно и было.

Под носень они поженились, разумеется, с благослове-ния Морда, который пожалел им «меленький сдобн-подурочек», как он сам изящно выразился, что стало ценным добавлением к ихним дулявым кармам. Это был специальный горшок с секретным снадобьем, при-готовленным по резектам далеких прадевушек, с по-мощью коего Патрик смогла вывести вошек, которых досадно подцепила от самого Морда Мак-Ануса на по-минках его покойной жены (Мёди Мак-Анус). Молодо-жевы были вне семян от радости и благодарны больше, чем положено по штанам.

«Единственные маленькие ползучие твари, каких мы хотим, это детки», — лихо бросил Иезус, ведь был он мужик хоть куда. «Пральна, милок», — отозвалась Патрик и потянулась к нему опытной крюкой.

«Счастия вам и вашим всем», — прокричал Морд из старого крыла замка.

«Благослови вас Бог, сэр», — сказал Иезус, запрягая женку с той сноровкою, какая оттачивается долгой прак-тикой.

«Давай же, красавица, — шептал он, направляя свою жену крупной рысью прямо к Восточным Воротам. — Нам нельзя упустить первую скачку, дорогая».

«Не похоже, — всхрипнула тут его нововенечная, пере-ходя на галоп. — Не похоже», — повторила она.

Медовый месяц был прерван неожиданным теле-жратвой от миссис Эль Пифко (то была его мать), кото-рая, как выяснилось, решиласть покинуть Барселовлю, чтоб оповестить своего страшенького прежде, чем помереть со смеху; кроме того, писала она, воздух пой-дет ей на пользу. Патрик подняла голову от своей сбруи и хихикнула.

«Не смейся над Маммой, пожалуйста, дарвалдая, ведь она единственная у меня осталась на сем свете, да кроме того, твоя-то мамаша тож изрядная карга, — сказал Иезус. — А коли она доберется сюда заживо, мы сможем закалить пир в ее честь, и потом она увидит всех нашеньких гадких шотвольнских дружков», — раз-мышлял он. «Из другой страны, так что мы завсегда сможем использовать ее как пугало на огороде», — до-бавила практичная Патрик.

Итак, они упаковали чембохданы, помеченные «евон-ный» и «ейный», и отправились наверх, к своему хозяи-ну в горки. «Вот мы и дома, сэр», — сказал Иезус, обра-щаясь к иссохшей сморканной фигурке, заключенной близ овечьей шкурвы.

«Отчего вы вернулись так скоро?» — поинтересовался Морд, мгновенно узнавая своих слуг путем многолет-ней практики.

«Я получил про хилые бестии про мою матрешку, — она совирается наострить меня, если вы позвоните, сэр».

Морд подумал с минуту, и лицо его засияло, как на-зревший прыщ.

«Вы все уволены», — улыбнулся он и ушел насвистывая.